

Мы остановились на этом вопросе столь подробно, потому что он встает перед искусством каждого возрождающегося народа. Он встает и перед грузином Ладом Гудиашвили, еще целиком плененным древней Персией и Византией. Он может встать перед искусством Белоруссии, строящей учебу Витебского техникума на возрождении национальной орнаментики XVI и XVII веков и т. д. Все это — поиски исторических корней, естественные как этап художественного развития, но этап, который должен быть все же пережит.

Чрезвычайно характерна та полувосторженная вера в откровение своего собственного искусства, даже в особое свое мессианство, которое сопровождает местами пробуждение местного краевого искусства. Это особенно характерно прозвучало, например, на съезде художников-сибиряков. — „Я скажу об особенностях Сибири. Я хочу подчеркнуть, что искусство, прикасаясь к корням народного творчества, всегда возрожда-

¹ Д. Щербаковский в своей книге „Украинський портрет“ (Київ в 1925), говоря о XVIII в., замечает: „духовенство и мещанство старались выглядеть на своих портретах не менее шляхетно нежели паны и копировало панские позы: менялись только аксессуары: священник или мещанин опирались вместо сабли на палку“ (стр. 17). Это — явление социальной волосности, мимикрии. Но если оно могло иметь место в XVII — XVIII вв., то едва ли оно должно иметь место в изображении современного крестьянства.

лось. Живописец Гоген ушел из Франции, ища опоры, на девственную почву Таити. За границей мечтают съездить в Африку; там тяга к негритянскому, первобытному, там усталость от однообразия европейской жизни. А у нас здесь — все, мы имеем близко под руками — первобытность, азиатское. Я думаю, Сибирь даст в будущем и Венецию, и Флоренцию и Мюнхен. Сибирь для развития большого искусства я считаю — *самым удобным местом в СССР*“. Так говорил на съезде художников-сибиряков т. Копылов!..

Вот тут-то мы и стоим перед лицом двух крайностей, подстерегающих искусство народов СССР: общерусским и общеевропейским уклоном, могущим нивелировать национальное и народное, и с другой стороны — уклоном к „областничеству“, местным патриотизмом, замыканием в свою национальную традицию, стилизацией и архаизированием. Между этими Сциллой и Харибдой советское искусство должно выбрать среднюю мудрую линию. В национальной культуре, в прошлом надо уметь *отбирать* те ее элементы, которые действительно жизнеспособны и не противоречат нашим классовым, социалистическим критериям, которые помогают идти *вперед*.

Моя статья — дань большой радости по поводу возрождения искусства СССР. На довольно однообразном фоне нашей столичной художественной жизни (в которой одни и те же художники то и дело переключаются из одного художественного общества в другое) столь неожиданно и радостно приветствовать всходы иных, нерусских искусств, посеянные освежающей Октябрьской грозой.

И однако, мы впали бы в маниловщину, если бы умолчали об отрицательных явлениях. Многие народы СССР представлены на выставке лишь „визитными карточками“, художниками-одиночками или отсутствуют вовсе. Затем в области художественного образования — школы и техникумы, фигурировавшие в Москве (за исключением Киевского художественного института да Московского техникума), показали скорей „картинки“, чем самые методы своей работы, — повидимому, за отсутствием научно разработанных программ.

И, наконец, общее положение искусства СССР на местах — увы, совершенно не обеспечивающее его будущего. „На Украине, — пишет Врона, — обстановка во многом хуже, чем, скажем, в Москве, где существуют как-никак, а довольно солидные субсидии художественным объединениям, приобретения государственных комиссий и т. д. На Украине таких форм общественного потребления искусства не было даже и в зародыше“. На уже упомянутом мною съезде художников Сибири стоял сплошной вопль — жалобы на Окроно, на полное пренебрежение его к художникам, на лишение их мастерских

и комнат, на поощрение халтуры. Надо ли напоминать, что именно от бытовых условий жизни художников зависит в значительной мере и чаемый нами рост национального и областного искусства. На сибирском съезде много и справедливо говорилось о *тяге* художников в Москву, движимой не только желанием приобщения к столичной культуре, но и к поискам заработка. Надо ли говорить, что подобная тяга, перегружающая Москву художниками и культурно-обессиливающая тот или иной край, опасна для культуры *СССР в целом*. Мысль о государственной важности искусства, как отрасли советского строительства, очевидно, далеко еще не получила права гражданства на местах. *Эту мысль надо сделать всеобщей.*